

КОНСТАНТИН АРСЕНЬЕВ

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВІЕ

СБОРНИК ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

МОСКВА

УДК 343.139(470)
ББК 67.411
А85

Арсеньев, Константин Константинович.

А85 Судебное следствие : сборник практических заметок / Константин Арсеньев. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Классика советского права).

ISBN 978-5-04-250768-7

Константин Константинович Арсеньев — русский юрист, адвокат, публицист и общественный деятель, один из видных представителей российской адвокатуры второй половины XIX века. Книга «Судебное следствие. Сборник практических заметок» была написана на основе многолетнего опыта судебной и адвокатской деятельности автора. В работе рассматриваются вопросы ведения судебного следствия по уголовным делам, условия производства судебных заседаний, исследование доказательств и оценка показаний участников процесса. Особое внимание уделено практическим аспектам судебного разбирательства и обеспечению его гласности, последовательности и всесторонности. Издание представляет собой ценный памятник дореформенной и пореформенной российской юридической мысли.

УДК 343.139(470)
ББК 67.411

ISBN 978-5-04-250768-7

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

Предлагаемая книга служит продолжением сборника практических заметок, вышедшего в свет в 1869 г. под заглавием «Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия». Цель и план нашего труда остались те же самые; главную часть его по-прежнему составляет систематическое обозрение решений уголовного кассационного департамента Прав. Сената¹. Постановления устава уголовного судопроизводства о судебном следствии могут быть названы одним из самых совершенных, самых безукоризненных отделов нашего законодательства. В первой части сборника мы доказывали необходимость коренной реформы в существующем у нас порядке предания суду; в настоящей книге нам приходилось только настаивать на точном исполнении закона, на толковании и применении его в том смысле, в каком его понимал законодатель. При сравнении русского уголовного процесса с французским или

¹ За 1866, 1867, 1868, 1869 и первую половину 1870 г. Решения 1869 г. начиная с № 1100 до № 1126 напечатаны в сборнике кассационных решений по ошибке под №№ 2000–2026. Ссылаясь на эти решения, мы приводим как настоящий их №, так и тот, под которым они напечатаны.

немецким мы часто отдавали преимущество нашему уставу уголовного судопроизводства перед иностранными кодексами, нашей судебной практике перед обычаями, выработанными иностранной магистратурой. Нас могут упрекнуть по этому поводу в оптимизме, в непонимании слабых сторон нашего судебного устройства или, по крайней мере, в преждевременных похвалах ему, когда его характеристические черты не успели еще обрисоваться определенно и ярко¹. Этот упрек был бы справедлив, если бы предметом параллели, проводимой нами между Россией и континентальными государствами Западной Европы, был общий характер, общий дух уголовных законов, положение магистратуры среди других государственных властей, прочность ее организации и влияния, которым она пользуется. В нашей книге идет речь вовсе не об этом; мы сравниваем только отдельные постановления закона, отдельные приемы судебной практики и находим, что результат этого сравнения иногда благоприятен для России. Удивительного в этом нет ничего; выступая позже других государств на поприще судебной реформы, Россия не могла не воспользоваться их примером, не могла не избежать некоторых ошибок, ими сделанных или делаемых. Есть целые отделы судопроизводства, которые стоят у нас ничуть не выше, даже гораздо ниже иностранных образцов (предварительное следствие, предание суду, особый порядок производства дел о политических преступле-

¹ Упрек в оптимизме был сделан нам по поводу публичной лекции, прочитанной нами в сентябре 1867 г., — лекции, в которой были отчасти высказаны мысли, подробно развитые в настоящей книге.

ниях, и др.); но ни один беспристрастный наблюдатель не отнесет к числу таких отделов законы о судебном следствии, о судебных прениях, о постановке вопросов. Что касается нашей магистратуры, то она еще не вышла из первого периода судебной реформы — периода преданности и уважения к великому делу, которое возложено на нее. В симптомах, заставляющих опасаться за ее будущность, к несчастью, нет недостатка; но в настоящем еще не потух тот свет, который был зажжен уставами 20 ноября 1864 г. Всего вернее дух уставов охранялся и охраняется петербургскими судебными местами, — и мы готовы признать, что некоторые из наших выводов, основанные преимущественно на деятельности С.-Петербургского окружного суда, не безусловно и не вполне применимы ко всем судам провинциальным. Дальше известного предела различие между судами простирается, впрочем, не может не только потому, что над ними стоит верховный кассационный суд, но и потому, что провинции всегда испытывают на себе влияние Петербурга.

В нашей юридической литературе есть только одно сочинение, относящееся к судебному следствию, — это монография г. Л. Владимирова «О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве»¹. Она разобрана нами подробно в четвертой главе второго отделения настоящей книги.

К. Арсеньев

¹ Второе издание ее недавно вышло в свет в С.-Петербурге.

**ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.
ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА
УГОЛОВНЫХ ДЕЛЪ В СУДЕБНЫХ
ЗАСЕДАНИЯХ**

**I
Гласность судебного заседания¹**

Судебные заседания по делам о преступлениях и проступках, сказано в ст. 620 уст. угол. судопр., происходят публично. Из этого общего правила изымаются дела: 1) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры, 2) о преступлениях против прав семейственных, 3) о преступлениях против чести и целомудрия женщин и 4) о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве. К этим четырем исключениям следует прибавить еще одно, установленное специальным законом о судопроизводстве по государственным преступлениям: дела по обвинению в произнесении дерзких, оскорбительных слов против Государя Императора или членов Императорского Дома слушаются тоже при закрытых дверях присутствия (уст. угол. судопр., ст. 1056). Закрытие дверей присутствия влечет за собой не только

¹ Отрывок из этой главы, относящийся к гласности политических процессов, был напечатан в несколько измененном виде в С.-Петербургских Ведомостях 1870 г. (№ 179).

удаление публики из зала заседания, но и запрещение оглашать в печати все происходившее при закрытых дверях присутствия¹. Есть, впрочем, один род дел, подробности которых не могут быть оглашаемы в печати, хотя бы дело слушалось при открытых дверях: это дела об оскорблениях в тех случаях, когда ответчик не допускается до представления доказательств справедливости позорящего обстоятельства (уст. угол. суд., дополн. к ст. 1000, пункт 11). Печатание всех подробностей судебного заседания по этим делам или одной первоначальной жалобы истца разрешается председателем суда в таком только случае, когда сам обиженный будет о том просить; сам приговор суда печатается не иначе, как с особого разрешения (которое по смыслу закона может быть испрашено у председателя суда не только обвинителем, но и обвиняемым). Нам кажется, что выражение закона: дела об оскорблениях — в данном случае не может быть признано вполне точным. Оскорбление в собственном смысле этого слова есть резкий до неприличия или до брани отзыв о каком-нибудь лице, а не указание определенного позорящего обстоятельства, к этому лицу относящаяся. Вопрос о том, справедливо ли известное позорящее обстоятельство или может ли быть доказываема его справедливость, возникает только в делах о диффамации, т.е. об опозорении, предусмотренном ст. 1039 уложения о наказаниях;

¹ Это явствует из пункта 2-го Высочайше утвержденных 20 ноября 1864 г. правил, относящихся к печатанию решений судебных мест. В этом пункте сказано: «дозволяется печатать о всем происшедшем в публичном заседании судебного установления».

к этим только делам и может применяться правило, выраженное в пункте 11 дополнения к ст. 1000 уст. угол. судопр.

На основании ст. 621 уст. угол. судопр. закрытие для публики дверей судебного заседания, как мера чрезвычайная, должно быть допускаемо и в случаях, ст. 620 указанных, только при явной в том необходимости, с точным означением в определении суда: какие именно действия должны происходить при закрытых дверях и по каким причинам. Это постановление закона представляется как нельзя более рациональным. Гласность судебного следствия и судебных прений установлены не для удовлетворения любопытства публики; она служат одной из важнейших гарантий правильного отправления правосудия. «Публичность заседания, — говорит Ф. Эли¹, — есть существенная форма судопроизводства, может быть самая существенная из всех. Она освещает все действия судьи; она предоставляет их, по мере того как они совершаются, обсуждению и контролю общества; она предупреждает злоупотребления власти, успокаивает всех тех, кто имеет или может иметь дело с судом, и окружает деятельность суда большим почетом и блеском. Конечно, она не может заменить собой других форм судопроизводства; но при широком применении ее все эти формы, в чем бы они ни заключались, представляются как бы установлениями второй степени важности». С этими последними словами Ф. Эли трудно согласиться; гласность судопроизвод-

¹ Traité de l'instruction criminelle. T. VII, p. 475.

ства не всегда служит безусловным ручательством правильности действий судьи уже потому, что известные злоупотребления судейской власти, обратившиеся в привычку, никого больше не удивляют и не поражают (припомним образ действий президентов во Франции); но в главных чертах мысль Ф. Эли как нельзя более справедлива. Влияние гласности отражается не только на деятельности суда, но и на речах обвинителя и защитника, на показаниях свидетелей и экспертов. Она побуждает первых заботиться о возможно полном и добросовестном исполнении своей задачи, предохраняет их от апатии и рутины, так легко развивающихся в тесном, замкнутом кружке, когда он предоставлен самому себе и отдален от живого общения с окружающей его средой. Увеличивая возможность раскрытия и опровержения ошибок, сделанных на суде, она заставляет свидетелей и экспертов взвешивать с особенной тщательностью каждое слово, каждый ответ на вопросы сторон¹. Вот почему двери суда должны быть закрываемы только тогда, когда не подлежит никакому сомнению, что интересы общественной нравственности были бы больше нарушены публичностью той или другой части заседания, нежели интересы правосудия — непубличностью ее. Мы помним одно дело о прелюбодеянии, производившееся в С.-Петербургском окружном суде с начала до конца при открытых дверях, потому что подробности его не представляли решительно ничего несовместного с чувством приличия и нравственностью; и, ко-

¹ Ср. касс. реш. 1866 г., № 45 по делу Ивановой.

нечно, это случай не единственный в своем роде¹. Не следует забывать, что в огромном большинстве случаев торжественная обстановка суда оказывает сильное влияние даже на людей мало развитых нравственно и умственно; она заставляет их быть осторожными в выборе выражений, обходить молчанием все то, что могло бы оскорбить нравственное чувство слушателей, и передавать суду только факты без той особой окраски, которая дала бы им характер соблазнительности. Самым поразительным доказательством этому служит известное дело об убийстве фон Зона, в котором ни подсудимыми, ни свидетельницами не было сказано ни одного неприличного слова, хотя на основании предварительного следствия и можно было ожидать противного. Тем большей сдержанностью должны отличаться и действительно отличаются объяснения тех, кто привык обращаться со словом и проникнут сознательным уважением к суду, — объяснения обвинителей и защитников. Даже тогда, когда признано необходимым закрыть двери суда на все время производства судебного следствия, публичность судебных прений часто может быть допущена без всяких неудобств и затруднений.

¹ Правительствующий Сенат признал: 1) что если подсудимый обвиняется в пении непристойной песни, но суд не встречает надобности в изложении содержания этой песни, то нет и повода к закрытию дверей заседания (реш. 1867 г. по делу Хлебникова и др., № 595), и 2) что если подсудимый обвиняется в произнесении бесстыдных, неприличных слов и суд находит необходимым спросить свидетелей, в чем именно заключались эти слова, то двери заседания должны быть закрыты только на время отобрания показания по этому предмету (реш. 1868 г. по делу Юдиной, № 38).

Статья 620 уст. угол. судопр. предусматривает возможность закрытия дверей заседания только по таким делам, сам предмет которых заключается в нарушении правил общественной нравственности или уважения к вере и правам семейственным; но как должен поступать суд, если в деле, главный предмет которого не принадлежит к числу поименованных в ст. 620, встречаются подробности более или менее соблазнительного свойства? На этот вопрос наш устав уголовного судопроизводства не дает никакого ответа. Судебная практика разрешает его в смысле, расширяющем права суда; двери заседания закрываются иногда (большей частью, впрочем, только на время) и по таким делам, которые не подходят под действие ст. 620. С первого взгляда может показаться, что это противно закону и решениям Правительствующего Сената: закону — потому что публичность заседания есть общее правило, исключения из которого определены с точностью и не должны быть распространяемы дальше их буквального смысла; решениям Правительствующего Сената — потому что Сенат неоднократно признавал неправильным закрытие дверей заседания вне случаев, указанных законом¹. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что слишком тесное толкование закона было бы противно внутреннему его смыслу и цели. Из мотивов к ст. 620-й (изд. Госуд. Канц., Т. II, изд. 1-е, стр. 226, изд. 2-е, стр. 230) видно, что законодатель, ограничивая публичность заседаний, имел в виду оградить нравственную неприкосновенность домаш-

¹ Реш. 1806 г. по делу Ивановой, № 45, 1868 г. по делам Юдиной, Никаноровой и Назаренко, №№ 38, 488 и 968.

него очага, предупредить оглашение семейных тайн и публичное обсуждение предметов соблазнительного свойства. С этой точки зрения очевидно все равно, составляет ли семейная тайна главный предмет дела или только один из его эпизодов; как в том, так и в другом случае безусловная публичность заседания послужила бы к разглашению этой тайны и, следовательно, была бы несовместна с намерением законодателя. Поясним нашу мысль примером. В феврале месяце 1870 года в С.-Петербургском окружном суде рассматривалось дело о двух лицах, обвиняемых в лжеприсяге. Поводом к обвинению послужили свидетельские показания, данные этими лицами в консистории при производстве бракоразводного дела — показания, уличавшие одного из супругов в прелюбодеянии. Лжеприсяга не принадлежит к числу преступлений, перечисленных в ст. 620; по буквальному смыслу закона процесс должен был, следовательно, происходить публично. Тем не менее суд признал необходимым закрыть двери заседания именно в виду того, что по самому свойству дела постоянно должна была идти речь о взаимных отношениях супругов и об обвинении одного из них в прелюбодеянии. Нам кажется, что между процессом такого рода и процессом о прелюбодеянии, т.е. процессом, в котором прелюбодеяние составляет сам предмет обвинения, нет никакого существенного различия, и что как в том, так и в другом случае суду одинаково должно принадлежать право закрыть двери заседания, если и когда он признает это нужным. Если в законе ничего не сказано о случаях, подобных вышеприведенному, то это ничто иное, как пробел, а отнюдь

не намеренное ограничение власти суда в отношении к закрытию дверей заседания. Лучшим доказательством этому служат мотивы к ст. 620, на которые мы уже ссылались.

Но если суд имеет право закрывать двери заседания и в таких случаях, которые не подходят прямо и непосредственно под действие ст. 620, то следует ли заключить отсюда, что это право суда ничем не ограничено абсолютно? Конечно, нет. Допуская возможность отступления от буквального смысла ст. 620, мы имели в виду оградить именно внутренний ее смысл, остаться верными тому общему взгляду на публичность заседаний, который выражен в ней довольно ясно. Этот взгляд законодателя безусловно обязателен для суда. Другими словами, двери заседания могут быть закрываемы только тогда, когда предстоит изложение или обсуждение слов или действий, несовместных с уважением к предметам веры (ст. 620 пункт 1), правам семейственным (пункт 2) или правилам нравственности (пункт 3 и 4), — все равно, составляют ли эти слова или действия главный предмет дела или одно из побочных его обстоятельств¹. В этих пределах защищаемое нами распространительное толкование ст. 620 не противоречит решениям Правительствующего Сената, высказавшегося только против закрытия дверей заседания в случаях, вовсе не предусмотренных законом.

¹ Само собой разумеется, что в последнем случае еще более, чем в первом, должно быть соблюдено правило, выраженное в ст. 621, т.е. двери заседания должны быть закрываемы только при явной в том необходимости и на короткое, по возможности, время.

Для того, чтобы наша мысль выразилась еще яснее, мы укажем несколько случаев, в которых закрытие дверей заседания было бы явным нарушением ст. 620. Первый пункт этой статьи позволяет суду устранять публичность заседания в делах о богохульстве, оскорблении святыни и порицании веры, причем сделана ссылка на ст. 192–199 и 235 Уложения о наказаниях изд. 1857 г. (по изд. 1866 г. ст. 176–183 и 210); второй пункт устанавливает то же самое относительно дел о преступлениях против прав семейственных, причем сделана ссылка на ст. 2118–2169 Уложения о наказаниях изд. 1857 г. (по изд. 1866 г. ст. 1549–1597). Отсюда явствует, что действие ст. 620 распространяется только на такие преступления против веры или против прав семейственных, которые предусмотрены в вышеозначенных статьях Уложения, и что применять ее к другим преступлениям той же категории значило бы идти прямо наперекор намерению законодателя. Мотивы, побудившие законодателя допустить негласность заседания по делам о богохульстве или об оскорблении родителей детьми, не имеют никакого применения к делам об отступлении от веры или об оскорблении родственника родственником¹. Что касается преступлений против нравственности, то к случаям, предусмотренным в пунктах 3 и 4 ст. 620, могут быть, по нашему мнению, присоединены случаи, упомянутые в пункте 2 ст. 89 (оскорбление женской чести, непотребство, бесстыдные или соблазнительные действия); если в этих по-

¹ Ср. решение Пр. Сената 1867 г. по делу Троицкого № 337.

следних случаях допускается негласное разбирательство дела в мировых установлениях, то странно было бы не допустить его и в общих судебных местах¹. Но, с другой стороны, не следует упускать из виду, что далеко не все неприличное в условном, общежитейском смысле этого слова может быть признано противным нравственности и дающим повод к закрытию дверей заседания². Суд не салон, в котором царствует изысканная деликатность выражений; кто боится услышать грубое слово или рассказ, возмущающий тонкое нравственное чувство, тому лучше не ходить в заседания суда. Суд не обязан заботиться о случайных впечатлениях того или другого из слушателей или слушательниц, собравшихся в зале заседания; он обязан только предупреждать соблазн или вред, который мог бы произойти от разглашения безнравственных действий. Как бы щекотливы ни были, например, вопросы, которые часто приходится предлагать экспертам по делам о детоубийстве, или физиологические подробности, заключающиеся в актах осмотра по делам этого рода, — это отнюдь не может служить поводом к закрытию дверей заседания на время чтения акта осмотра или на время допроса экспертов.

¹ Обстоятельства, упомянутые во 2-м пункте ст. 89, могут подлежать разбору общих судебных мест или как эпизод в другом процессе, или на основание правила о рассмотрении двух проступков, совершенных одним и тем же лицом, в том суде, которому подсуден проступок более важный (уст. угол. судопр., ст. 205).

² При рассмотрении в мировом съезде дела Назаренко двери заседания были закрыты на том основании, что в деле во многих местах помещены неприличные выражения. Прав. Сенат нашел, что этим нарушена ст. 89 уст. угол. судопр., и отменил приговор съезда (реш. 1868 г., № 968).